

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 3 (132), с. 100–108.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 3 (132), pp. 100–108.

Научная статья
УДК 82

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-3-132-8>

<https://elibrary.ru/fvbrdn>

**«Морфология искусства» Константина Мозгалова:
эстетические отношения искусства к действительности**

Елена Анатольевна Балашова

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
Калуга, Россия

balashova_ea@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-4239>

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворения Константина Мозгалова «Морфология искусства». Мозгалов ввязывается в спор о назначении искусства как явления культуры. По его мнению, нет истинного или неистинного искусства; любое искусство – фальшь. Автор вступает в борьбу с предвзятым мнением об искусстве как средстве дарить гармонию. Поэт обращает наше внимание на морфологическое строение слова «искусство». Структура стихотворения держится на анализе цепочки однокоренных или похожих слов: *искусство – искус – искусник – искусственный – искушение*.

В статье дается сопоставление эстетических позиций Константина Мозгалова, Георгия Иванова и Бориса Пастернака о соотношении реальности и творчества. Анализ интертекстуальных связей, субъектной организации текста, стилистических особенностей речи позволяет говорить о провокационной «политике» поэта в отношении читательской интерпретации текста.

Ключевые слова: поэзия XX века, русская лирика, Константин Мозгалов, искусство, морфология

Для цитирования: Балашова Е. А. «Морфология искусства» Константина Мозгалова: эстетические отношения искусства к действительности. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 3 (132), с. 100–108. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-3-132-8>; EDN: FVBRDN

**Konstantin Mozgalov's "The Morphology of Art":
The aesthetic relationship of art to reality**

Elena A. Balashova

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russia

balashova_ea@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-4239>

Abstract. The article focuses on the analysis of Konstantin Mozgalov's poem "The Morphology of Art". K. Mozgalov engages in a debate about the purpose of art as a cultural phenomenon. According to him, there is no true or false art; all art is fake. The author struggles with the preconceived notion of art as a means of bringing harmony. The poet draws our attention to the morphological structure

of the word “art”. The structure of the poem is based on the analysis of related or similar words: art, skill, artist, artificial, and temptation.

The article compares the aesthetic positions of Konstantin Mozgalov, Georgy Ivanov and Boris Pasternak about the relationship between reality and creativity. The analysis of intertextual connections, the subjective organization of the text, and the stylistic features of speech allows us to speak about the provocative “policy” of the poet in relation to the reader’s interpretation of the text.

Keywords: poetry of the twentieth century, Russian lyrics, Konstantin Mozgalov, art, morphology

For citation: Balashova E. A. Konstantin Mozgalov’s “The Morphology of Art”: The aesthetic relationship of art to reality. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 3 (132), pp. 100–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-3-132-8>; EDN: FVBRDN

Введение

Когда-то, еще до смерти поэта Мозгалова (1956–2001), Юрий Кублановский написал: «Надеюсь, что томик лирики Константина Мозгалова мы скоро будем держать в руках: дело чести земляков его – издать его книгу, о которой он так мечтал»¹. Мечтал, потому что результаты творческого опыта были реализованы только в самиздатовских книжках. Их было немного. Д. Л. Лакербай называет семь поэтических книг, вышедших тиражом до пяти (!) экземпляров². Издано было только «Избранное» тиражом 500 экземпляров – после смерти. Нам посчастливилось узнать об этой книге от коллег из Ивановского университета и от издателя Маргариты Андреевны Федотовой, которая привезла к нам в Калугу эксклюзивные книги, выпущенные «Фондом Сергея Дубова».

Основная часть

Одно из стихотворений «Избранного» К. Мозгалова под названием «Морфология искусства» – это поиск ответа на вопрос о сути искусства:

*Искусство – дьявольский искус
(зри в этот выполотый корень),
вопящий: «Аз и есмь Исус!
Мой мир велик и необорен!..»*

*Искусник, в храме сняв треух,
творит подменную реальность,
не чуя в слове «демиург»
искусственную $\frac{\text{ри}}{\text{вир}}$ туалльность.
На пажити духовных сфер,*

¹ Кублановский Ю. Вступительное слово к подборке стихотворений К. Мозгалова «На медовой оси». *Новый Мир*, 2002, № 7. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/7/na_medovoj-osi.html (дата обращения: 17.10.2024).

² Лакербай Д. Л. Поэзия как бытие: заметки о мифе и стиле Константина Мозгалова. *Поэтическая литература*. Вып. VI. Сборник научных статей. Иваново: ЛИСТОС, 2012, с. 102–116.

в кладовой подлинного чувства –
вне *искушения* и вер –
есть *естество* и нет искусства.

23 апреля 2001 (курсив автора)¹

Первые две строки – назидание вопиющему искусству, возмнившему о себе, что оно и есть Слово (Иисус). На «реплику» о «необоримости» его мира у автора есть своя: на протяжении следующих строк он вступает в борьбу с предвзятым мнением об искусстве как средстве дарить гармонию. Слово «искусство» не просто употреблено дважды, оно композиционно обрамляет стихотворение. В начале первой строки, графически выделенное, оно по привычке воспринимается с придыханием. В конце стихотворения оценка меняется: нет никакого особого назначения искусства, его роль не особенна, соответственно, никакого курсива – слово как слово. А затем искусство вовсе исчезает («...и нет искусства»).

Чтобы отрицать искусство, нужно понять его сущность, что и делает К. Мозгалов, останавливаясь на выделенных курсивом других опорах текста – словах одного корня. Авторское «зри в этот выпоротый корень» многозначно. Оно взято в скобках – так поэт приоткрывает писательскую кухню, заявляя о своем присутствии в тексте. Он ведет читателя, который, конечно, сосредоточится на происхождении слова, а затем поймет установку на иронию, учитывая, что в культурном сознании фраза «зри в корень» связывается с Козьмой Прутковым. Читатель не раз возвращается в этом стихотворении к началу и перечитывает его, меняя оценки некоторых ситуаций. То, что привычно, что нравится, при ближайшем рассмотрении становится нелепым, то, что считается гармоничным, при многократном повторении теряет смысл. Так что к возникшей фразе Пруtkова тоже нужно относиться двойственно, и за смешным увидеть серьезное. Аллюзия к фразе Козьмы Пруtkова звучит «хулигански». Мы все помним, что случилось с его афоризмами: вдруг банальность стала незыблемой истиной – Козьму Пруtkова цитируют «взаправду», и так часто, что его фразы вдруг стали выглядеть народными поговорками. Изначально «фальшивое», прикрывшись красотами, завлекло в свои сети, как искусство завлекло в свои. Кроме того, пародийный персонаж «украл» слова из фундаментального исследования А. С. Шишкова «Славянорусский корнеслов» (одна из глав называется «Зри в корень: сын всегда говорит языком отца»²). Мозгалов, как и Шишков, борется за возвращение к первоисточнику, пытаясь постичь самобытность слова «искусство» – вырвать корень, лишив его чуждого, наносного. Пруtkову с его «искусностью» не до этого.

Обратимся к статье филолога М. Блажновой, которая с опорой на этимологические словари Л. В. Успенского и Н. М. Шанского выясняет, как появилось слово «искусство»: «Как ни удивительно, но у него не латинские или греческие, а старославянские корни. “Искусство” родственно словам “искушать”, “искушение” и через них – старославянскому “кусити” – “познавать” (заимствование из готского

¹ Мозгалов К. Б. *Избранное*. Москва: Фонд Сергея Дубова, 2005, с. 139.

² Шишков А. С. *Славянорусский корнеслов*. Санкт-Петербург: Духовное преображение, 2012. 416 с.

kausian – пробовать, испытывать). Искусственным раньше, как и сейчас, называли человека, который многое познал и испытал. Искусством поначалу называли умение познавать. Постепенно это слово стало синонимом художеству. Ведь, в конечном счете, искусство – это один из способов познания мира через воспроизведение действительности в художественных образах.

Слово «искусство» в значении «художественная, творческая деятельность» закрепилось только в XVII веке под влиянием европейского барокко, где как раз в то время всевозможные изящные искусства переживали пик своего развития. Интересно, что некоторые исследователи значение самого термина «барокко» прослеживают от итальянского *barocco* – «порочный, распущенный, склонный к излишествам», что тоже коррелирует со старославянским «искусом, искушением, грехопадением».

Слово «искусственный», по мнению лингвистов, появилось только в XVIII веке, скорее всего, под влиянием деятельности Петра I, и создали его по подобию немецкой словообразовательной модели. Немецкие слова *kunst* (искусство, мастерство, умение) и *kunstlich* (ненатуральный) послужили калькой для русской пары *искусство – искусственный*. Буквально «искусственный» стало значить «сделанный руками человека» (то есть неестественный, не от природы). А позже к этому слову добавились и переносные негативные значения – «поддельный», «притворный», «неискренний». Мы не будем заявлять, что развитие значений шло именно этим путем, но связь этих разных по значению слов очевидна¹.

Выделенный корень «искус» «выполот», то есть выдернут из слова, как выдергивают сорняки. Автору не дает покоя, что в основе искусства лежит провокация и соблазн. Поэт хочет очистить искусство от всего обманного и неискреннего. Можно подумать, что Мозгалов ввязывается в вечный спор о назначении искусства как явления культуры. В разоблачительном трактате «Что такое искусство?» (1897) Л. Н. Толстой, разбирая различные его определения, возражал против идеалистических взглядов². Близка позиции Толстого и категоричная мысль игумена Никона Воробьева: «Искусство – сознательная фальсификация...»³. Искусство, переставшее быть, по мнению мыслителей, проявлением духа, вредно, так как стало поддельным, сосредоточилось на наслаждении. У Мозгалова больше: любое искусство – фальшь. Для посвященных (искусников) искусство строится на искушении, для других – на вере. Если и Толстой, и Никон (Воробьев) видят для искусства выход в единении людей, в религиозности, то Мозгалов и религиозное искусство не считает истинным.

Казалось бы, пойдя человек по пути веры, он сможет понять назначение истинного искусства (об этом, кстати, вторая часть «Портрета» Н. В. Гоголя). Но у живущего в XX веке Мозгалова нет никаких иллюзий на этот счет. Входя в храм, человек творит всю ту же «подменную реальность». Ее же творит здесь, в храме, и искусник. Он – лжец, его мир тленный, земной. Искусник – не творец, он преклоняется перед

¹ Блажнова М. Как появилось слово «искусственный», *АиФ*. № 13 от 25.03.2015. URL: <http://spb.aif.ru/gazeta/number-/18887> (дата обращения: 17.10.2024).

² Толстой Л. Н. Что такое искусство? *Толстой Л. Н. Собрание сочинений*: в 22 т., т. 15. *Статьи об искусстве и литературе*. Москва: Художественная литература, 1983, с. 41–222.

³ Игумен Никон (Воробьев). *Письма о духовной жизни*, составитель – А. И. Осипов. Москва: Благовест, 2019. 576 с.

Демиургом, уничижается величию веры, не чуя, что она подменена ритуальностью. Человек, пришедший в храм, снимает головной убор, показывая подчинение, слепую веру, открывая голову и мысли – он наг. Он сам становится выполотым корнем, вырванным из истинной, существовавшей когда-то веры. Этот искусник знает свое место, но, не чуя искусственности демиурга, он множит подменную реальность, как корень «искус» множит семью однокоренных слов.

Даже в религии есть место искусству. Искусник, украшающий храм, творит не веру, не истинность – он творит подделку.

Стихотворение строится на оппозиции «истина – обман» (искусственность – подлинность). Не стало исключением и название стихотворения. «Морфология искусства» предполагала бы исследование форм, структур, разновидностей искусства. Здесь же сосредоточение на созвучной «морфологии» «морфемике» (и в этой логике пристальное внимание к корню слова). Автором расставлены акценты на однокоренных словах, которые образуют одно семантическое поле: *искусственное* (здесь – ненастоящее, лживое) *искусство*.

Искус, искусство, искусник, искусственный, искушение – слова с одним корнем можно тасовать, включая их в классификации по единому основанию. Например, «искус» и «искушение» могут стать словами одной группы, потому что имеют значение обмана, испытания, исходящего от кого-то другого. «Искусственный» ближе к этим двум словам, чем к «искусству», которое, казалось бы, ближе всех ему морфемно, по той причине, что имеет негативную коннотацию – что-то ненастоящее, только напоминающее жизнь, ненормальное, притворное. С другой стороны, «искусник» и «искусство» связываются с самостоятельным действием человека, с его талантом, опытом, знанием, одаренностью. Как бы мы в своей реальности ни соединили слова, это действие чревато новыми смыслами. Морфология реализует здесь смысл множественности видов и родов. Любой читатель, проделывая эти манипуляции, множит новые смыслы, становится творцом новой реальности – фальшивой.

Мысль о сущности искусства болезненно затронута очень многими поэтами. В частности, Георгий Иванов, вроде бы начинающий, как и Мозгалов, с отрицания естественности поэзии, все же переиначивает в финале эту идею – какая же это искусственная поза, коль корни ее проросли в мироздании:

Поэзия: искусственная поза,
Условное сиянье звёздных чар,
Где, улыбаясь, произносят – «Роза»
И с содроганьем думают – «Анчар».

Где, говоря о рае, дышат адом
Мучительных ночей и страшных дней,
Пропитанных насквозь блаженным ядом
Проросших в мироздание корней.

(1952)¹

¹ Иванов Георгий. *Полное собрание сочинений*: в 3 т., т. 1. Москва: Согласие, 1994, с. 409.

На первый взгляд, семантически близкий, аналогичный мозгаловскому текст, утверждающий «вторичность», «необязательность» искусства в сравнении с подлинной реальностью, у Бориса Пастернака – «О, знал бы я, что так бывает...». Искусство уступает натиску, требованиям «живой жизни», становится лишь игрой и развлечением:

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость – это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

(1931)¹

Однако по сути перед нами два противоположных ответа на вопрос о сущности искусства! У Пастернака конфликт между искусством подлинным и неподлинным: искусство как игра несравнимо с настоящим искусством, в котором все «всерьез». Здесь ненастоящее искусство «кончается» и в права вступают «почва и судьба». Кроме того, конфликт *искусство как игра / подлинное искусство* осложняется у Пастернака оппозицией *молодость / старость* – на смену игрового искусства в старости приходит осознание значимости искусства подлинного («всерьез»).

У Мозгалова же принципиально иная оппозиция: искусство как таковое и действительность. Речь не о «плохом» (неподлинном) и «хорошем» (настоящем) искусстве, а о том, что всякое искусство – фикция и обман (самообман), не естество. Есть реальность и есть искусство – реальность подменная, дьявольская.

Да, искусство – нечто ненастоящее. Однако если рассматривать это положение как собственно авторскую позицию, то здесь возникает ряд вопросов и «нестыко-

¹ Пастернак Б. «Услышать будущего зов...»: Стихотворения. Поэмы. Переводы. Проза. Москва: Школа-Пресс, 1994, с. 495–496.

вок», заставляющих интерпретатора пристальнее взглянуть в текст стихотворения К. Мозгалова.

Прежде всего нас должен насторожить тот факт, что, безапелляционно утверждая лживость («искусственность») искусства как такового, автор оформляет свое высказывание по правилам «неестественной» – подчиняющейся жестким требованиям силлаботоники – речи. Здесь перед нами 3 строфы четырехстопного рифмованного ямба (размер тот же, что и в стихотворении Пастернака) с перекрестным чередованием мужских и женских клаузул.

Любопытно и неожиданно, но безапелляционно и однозначно заявленное убеждение по поводу древней проблемы вдруг напоминает искреннее и агрессивное возмущение известного булгаковского персонажа, который говорил о том, что все как на параде – это нельзя, то не следует, а так, чтобы по-настоящему!.. Все это прямо-таки намекает на какой-то подвох, указывает на лукавство авторской позиции. Да и авторская ли это точка зрения, его ли утверждение?

В самом деле, можно увидеть ряд «авторских сигналов», делающих текст стихотворения двуголосым поэтическим высказыванием. Выше мы упоминали лексический ряд, отсылающий к Козьме Пруткову. Вполне «по-прутковски» звучат и нарочито «разнотильные» словесные ряды, образные реалии. Ср. хотя бы: «искусник в храме... в треухе» (?!), «пажити духовных сфер», «кладовая подлинного чувства». Заголовок взят из области науки, а не поэзии. Поэта должна интересовать сама жизнь, а не то, как она сделана. А вот филолога – и как она сделана тоже. Ощущение такое, что Мозгалов наталкивает читателя на «загадки», провоцирует на поиск тех смыслов, которых, возможно, и нет, но которые именно «технически подготовленный» читатель искусственно начнет искать, «разбирать» и окончательно запутается в собственных интерпретациях, съедая себя самого, как съедают себя два слова в пространстве плеоназма «искусственная виртуальность».

Заглавие стихотворения также оказывается двуголосым. Если воспринимать текст буквально, как «прямое слово» (безобъектное), то заглавие звучит иронично, если не издевательски: какая может быть «морфология» у того, что отрицается в целом? Однако в это высказывание вторгается другой голос, отсылающий читателя к одноименной монографии М. С. Кагана («Морфология искусства», 1972). Искусство – нечто неестественное? Историческая поэтика утверждает обратное. В монографии М. С. Кагана уже во введении утверждается, что искусство как таковое никогда не воспринималось как нечто «неестественное» и «виртуальное». Напротив! Обратимся к тексту первоисточника: «...изначально человеческое сознание не только не придавало сколько-нибудь серьезного значения различиям между видами, родами и жанрами искусства, но не видело даже принципиальных отличий между искусством, ремеслом и знанием»¹. Ср. фрагмент из «Исторической поэтики» С. Н. Бройтмана: «...в сознании эпохи синкретизма слова – именно плоть, из них можно “ткать” и их можно “тесать” (или строить ими лодку, как Вейнмяйнен в

¹ Каган М. С. *Морфология искусства: историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств: части I, II, III*. Ленинград: Искусство. Ленинградское отделение, 1972, с. 12.

“Калевале”). Известна этимологическая связь санскритского “taksati” (тесать, плотничать) <...>, русского “тесать”, древнегреческого “тэхнэ”¹.

Выводы

В итоге текст К. Мозгалова предполагает две «разнонаправленные» интерпретации. С одной стороны, если мы полностью и буквально доверимся тексту как одnogолосому слову, то должны принять за чистую монету авторскую позицию: искусство есть «подменная реальность», оно несовместимо с правдой жизни. Категоричность этого утверждения может быть оправдана экспрессивным накалом говорящего, его безоговорочным убеждением в собственной выстраданной правоте.

С другой стороны, именно эта безоговорочность способна насторожить читателя: не имеем ли мы дело с авторским изображением воинствующего невежества? В этом случае мы принимаем текст как выражение «чужого сознания». Выбирать читателю.

Список литературы / References

Блажнова М. Как появилось слово «искусственный». *АиФ*, № 13 от 25.03.2015. URL: <http://spb.aif.ru/gazeta/number/18887> (дата обращения: 17.10.2024).

Blazhnova M. How the word “artificial” appeared. *Arguments and Facts*, no. 13 of 25.03.2015. Available at: <http://spb.aif.ru/gazeta/number/18887> (accessed: 17.10.2024). (In Russ.)

Бройтман С. Н. *Историческая поэтика*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 418 с.

Broitman S. N. *Historical poetics*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2001. 418 p. (In Russ.)

Иванов Георгий. *Полное собрание сочинений*: в 3 т., т. 1. Москва: Согласие, 1994. 661 с.

Ivanov Georgy. *Complete set of works*: in 3 vol., vol. 1. Moscow: Soglasie, 1994. 661 p. (In Russ.)

Игумен Никон (Воробьев). *Письма о духовной жизни*, составитель А. И. Осипов. Москва: Благовест, 2019. 576 с.

Hegumen Nikon (Vorobyov). *Letters on spiritual life*, compiled by A. I. Osipov. Moscow: Blagovest, 2019. 576 p. (In Russ.)

Каган М. С. *Морфология искусства: историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств: части I, II, III*. Ленинград: Искусство. Ленинградское отделение, 1972. 440 с.

Kagan M. S. *The morphology of art: historical and theoretical study of the internal structure of the world of arts: Parts I, II, III*. Leningrad: Iskusstvo. Leningradskoe otделение, 1972. 440 p. (In Russ.)

Кублановский Ю. Вступительное слово к подборке стихотворений К. Мозгалова «На медовой оси». *Новый мир*, 2002. № 7, с. 120–123.

¹ Бройтман С. Н. *Историческая поэтика*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2001, с. 33.

Kublanovskii Iu. Introduction to the selected poems by K. Mozgalov "On the Honey Axis". *New World*, 2002, no. 7, pp. 120–123. (In Russ.)

Лакербай Д. Л. Поэзия как бытие: заметки о мифе и стиле Константина Мозгалова. *Потамная литература*. Вып. VI: Сборник научных статей. Иваново: ЛИСТОС, 2012, с. 102–116.

Lakerbai D. L. Poetry as being: Notes on the myth and style of Konstantin Mozgalov. *Secret Literature*. Iss. VI: Collection of Scientific Articles. Ivanovo: LISTOS, 2012, pp. 102–116. (In Russ.)

Мозгалов К. В. *Избранное*. Москва: Фонд Сергея Дубова, 2005. 160 с.

Mozgalov K. V. *Selected Works*. Moscow: Fond Sergeia Dubova, 2005. 160 p. (In Russ.)

Пастернак Б. «Услышать будущего зов...»: Стихотворения. Поэмы. Переводы. Проза. Москва: Школа-Пресс, 1994. 752 с.

Pasternak B. "To hear the call of the future...": Pieces of poetry. Poems. Translations. Prose. Moscow: Shkola-Press, 1994. 752 p. (In Russ.)

Толстой Л. Н. Что такое искусство? Толстой Л. Н. *Собрание сочинений*: в 22 т., т. 15. Статьи об искусстве и литературе. Москва: Художественная литература, 1983. 432 с.

Tolstoy L. N. What is art? Tolstoy L. N. *Collected works*: in 22 vol., vol. 15. *Essays on art and literature*. Moscow: Khudozhestvennaia literature, 1983. 432 p. (In Russ.)

Шишков А. С. *Славянорусский корнеслов*. Санкт-Петербург: Духовное преображение, 2012. 416 с.

Shishkov A. S. *Slavic-Russian etymological dictionary*. St Petersburg: Dukhovnoe preobrazhenie, 2012. 416 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена Анатольевна Балашова – доктор филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-2603-4239>, balashova_ea@mail.ru, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского (д. 4, Воскресенский пер., 248000 Калуга, Россия); **Elena A. Balashova** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-2603-4239>, balashova_ea@mail.ru, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovskii (4, Voskresenskii per., 248000 Kaluga, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.08.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 14.10.2025.

The article was submitted 21.08.2025; Approved after reviewing 22.09.2025; Accepted for publication 14.10.2025.